

АІ

СТАРООБРЯДЦЫ —
ТРАГЕДИЯ
РАСКОЛА

СТАРООБРЯДЦЫ — ТРАГЕДИЯ РАСКОЛА

Старые порядки в Русской церкви и новые идеи. Реформаторы и их оппоненты. — Церковная община в крестьянском мире и ее значение. —

Что именно в старых традициях должно было быть изменено? —

Экономические предпосылки феномена старообрядчества. —

Добровольная коллективная смерть от огня. — Общежительство на реке Выг и его основатели.

Есть в Карелии места, где все — земля под ногами, кромка леса на фоне закатного неба, даже, кажется, что сам воздух, пронизанный запахами луговых трав, наполняют вас ощущением трагедии человеческой.

Подобное чувство охватывает любого, кто попадет на Палеостров, один из многочисленных островов в северной части Онежского озера, недалеко от древнего села Толвуя. Когда-то давно, еще в XV веке, а может быть и ранее, появился на этом острове монастырь*. Он рос, богател. Монахи добывали средства к существованию в бесконечных трудах земных, но умели добиваться и пожалований от московского правительства. В писцовых книгах, а с сере-

дины XVII века — в переписях уединенная северная обитель фигурирует как собственник земель, вод и крестьянских дворов. Сохранилось множество свидетельств о судебных тяжбах, которые вел монастырь с другими монастырями — Хутынским, Муромским, Тихвинским, Вяжицким за сенокосы, пашенные угодья, леса, звериные ловища и рыбные тони. Монашеское хозяйство процветало — насколько это возможно в условиях не особенно благосклонной к трудам земледельцев суровой северной природы. Но в самом конце XVII столетия случились здесь две страшные «гари» — самосожжения людей, унесшие не одну сотню человеческих жизней. Дважды — в 1687 и в 1689 гг. — сюда приходили раскольники-старообрядцы и, пожив в монастыре по несколько месяцев, подвергали себя самосожжению при приближении стрелецких отрядов. Стрельцы были посланы против них, ибо власть жестоко преследовала и карала всех, кто не принял новых церковных порядков.

Факты российской истории, связанные с драматической ситуацией церковного раскола, хорошо известны. События начались во второй половине XVII века и протянулись во времени на целые столетия. Достаточно заметить, что и в наши дни в сибирской глубинке продолжают существовать иногда совершенно закрытые сообщества людей — потомков тех, кто давным-давно, еще до революции, сочли за лучшее уйти в непроходимые леса и жить там, чтобы сберечь незамутненной старую веру, а нередко и с целью скрыться от преследований за ее сохранение. Напомним кратко о существе дела.

Старые порядки в Русской церкви и новые идеи. Реформаторы и их оппоненты

Государственная власть в Москве в XVII веке была озабочена идеями централизации и присоединения Украины к России. В условиях тех отдаленных времен это было невозможно без единообразия церковной жизни, ибо сама жизнь человека была немыслима вне церкви. На Украине действовали греческие обряды. В России же церковные книги могли переписываться не только специально подготовленными людьми в Москве. Нередко их переписывали повсюду, где это было необходимо: там, где строили новые храмы, там, где находились грамотные люди — чаще всего монахи. В богослужебных книгах из-за ошибок и сознательных исправлений, которые переписчики вносили по своему разумению, появилось много мелких, незначительных, но все-таки разночтений и искажений.

В Москве понимали, что так дальше продолжаться не может. Все, что связано с отправлением церковных обрядов, должно быть единообразно, одинаково по всему государству. Было решено привести церковные книги в соответствие с греческими подлинниками. В 1649 г. в Москву прибыли киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий и приступили к работе по исправлению богослужебных книг.

Сразу же среди высших государственных и церковных сановников России сформировалась оппозиция. Сам духовник царя, настоятель кремлевского Благовещенского собора протопоп Стефан Вонифатьев возглавил кружок так называемых «ревнителей благочестия». Этих людей было немало. Они стояли за то, чтобы церковные книги были приведены к единообразию, но не по греческим, а по старым, подлинным русским книгам и канонам православия. Среди них был поначалу и Никон, архимандрит Новоспасского монастыря, будущий патриарх, главный поборник и жестокий проводник обрядов на греческий манер. «Ревнители» придавали большое значение церковной проповеди, обращали внимание на то, что священники должны быть людьми достойными, делать свое дело со знанием, умением и без спешки.

Дело в том, что к этому времени повсеместно при богослужении сложился обычай так называемого «многогласия», когда для сокращения времени службы стали все делать одновременно: священник читал свое, дьячок — свое, хор пел свое, вследствие чего в церкви стоял невообразимый шум и ничего нельзя было ни разобрать, ни понять.

Эти идеи не были поддержаны патриархом Московским Иосифом и не были одобрены церковным собором, собравшимся в феврале 1649 г. Тогда «ревнители» начали вводить «единогласие» явочным порядком. Царь Алексей

* Следуя старой историографической традиции, как церковной, так и светской, возникновение Палеостровского монастыря принято было датировать XII веком¹. Однако согласно детальному анализу вновь открытых исторических документов он мог быть основан не ранее первой половины XV столетия².

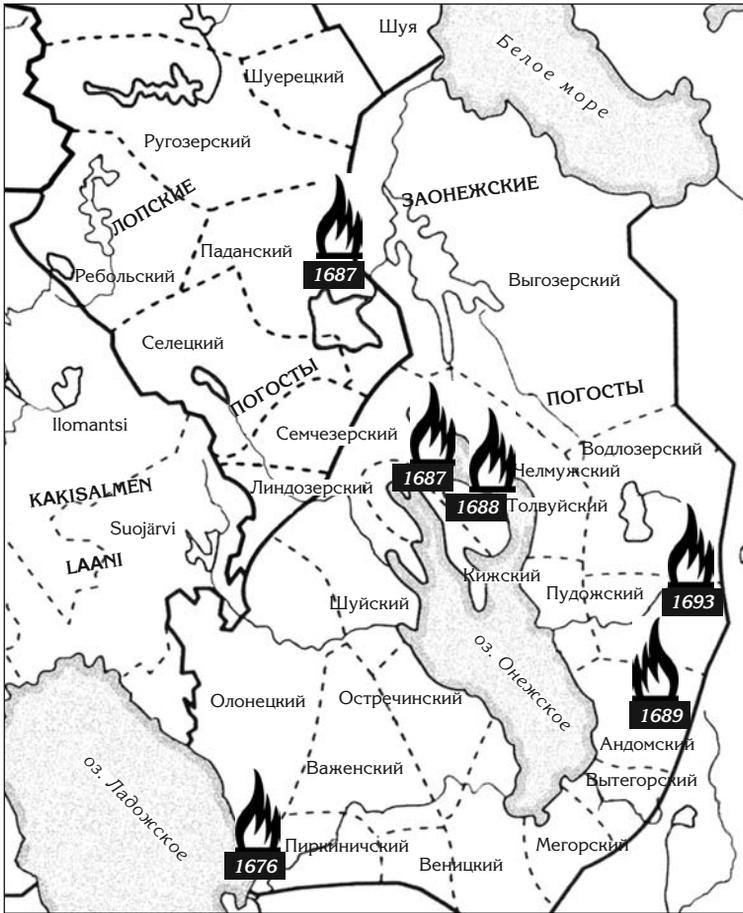
Михайлович в целом поддерживал устремления этих лучших по тому времени умов России, но в вопросе о переделке книг придерживался принципиально иных позиций. Он был за греческие образцы. Это понятно. Царю весьма импонировала одна из идей того времени — о Москве как «третьем Риме», «хранильнице православия», сто лет назад принятая русской церковью на Стоглавом соборе. Использование опыта Византийской церкви казалось ему предпочтительнее, так как там церковь находилась в полном подчинении у императорской власти. Царь не хотел делить власть ни с кем — ни земную, ни духовную. После встречи с Алексеем Михайловичем в 1646 г. и Никон стал сторонником введения греческих порядков. Выходец из крестьян, Никон, обладавший железной волей, веривший в свое высокое предназначение, очень понравился царю. Только такой человек мог без страха и колебаний повести борьбу за изменение веками сложившихся устоев.

Начало церковной реформы совпало с решением о присоединении Украины к России. Первым ударом, который был нанесен «древнему благочестию», стало требование, в марте 1653 г. разосланное по всем церквам, заменить земные (до земли) поклоны поясными (в пояс) и креститься тремя перстами вместо двух.

Это сразу же вызвало протест. Суровый и властный патриарх Никон начал преследовать противников. Самые известные и влиятельные из них — протопоп Аввакум, Иван Неронов, дьякон Федор и другие были отправлены в ссылку или заключены под надзор в монастыри.

Очень скоро противодействие церковной реформе превратилось в форму массового сопротивления. Все, кто был недоволен или обижен властью, начиная от самых верхов общества — бояр до самых низов — крестьян, шли в «раскол», чтобы выразить свой протест против того, как складывается жизнь. В реформе было нечто, что не нравилось всем — стремление государства регламентировать, то есть подчинить себе церковь, а значит, духовную жизнь человека. Недостаточно видеть в расколе только фанатизм и невежество населения. В нем отразилось глубокое социальное недовольство. Хотя нельзя не сказать, что формы, которые этот протест принял, ужасают современного человека крайним самоотречением. Но надо помнить, о каких временах идет речь. Век XVII вошел в историю как время тяжелейших потрясений, множества казней после подавления восстаний, усиления налогового гнета, строительства многих и многих городов, а значит, изменения устоев жизни подавляющего большинства населения (Россия оставалась страной крестьянской), которое часто заставляли переселяться на посад, менять привычный образ жизни и занятия. Людям казалось, что раньше было лучше, спокойнее и сытнее. Чума 1654 г., унесшая множество жизней россиян, войны, следовавшие чередой с самого начала столетия, лишавшие многие семьи кормильцев и обрекавшие вдов и сирот на голодное существование и скитальчество, — все вело к тому, что люди забрасывали обнищавшие свои хозяйства и бежали от налогов на восток, на север, туда, где можно было скрыться от государственных чиновников в бесконечных лесах и обрести хотя бы видимость свободы в уединении староверческих поселений.

Все беды стали связываться с нарушением старых церковных обычаев. К тому же власть повела себя очень жестко. Несогласных преследовали, держали взаперти. Их «письма» и «поучения», распространяясь среди населения, будоражили умы, призывали людей быть стойкими в отстаивании традиций и устоев. Большую роль в развитии и укреплении этих настроений сыграл протопоп

Аввакум. Он был фанатично предан старой вере, доходчиво, понятным широким слоям населения языком призывал всех готовиться к скорому концу света. И люди, убежденные, что самосожжение, или «огненное крещение» как говорил Аввакум, очистит их от всех земных грехов, готовы были принять мученическую смерть от огня.

Особенно остро все это сказалось у нас на Севере, в Заонежье. Почему так случилось? Сказать, что две тысячи человек сгорели добровольно в деревянной церкви на Палеострове и через год это жуткое событие повторилось на том же месте, а потом еще и еще в других местах — это ничего не сказать. Почему эти люди так поступили? О чем думали они? На что надеялись? Как складывалась их жизнь перед этим? Вот вопросы, на которые хотелось бы получить ответы.

Иногда в литературе встречается утверждение, что реформаторы церкви в XVII веке были озабочены тем, что население равнодушно к вере. Это признается одной из причин, почему

Рис. 11.1.
Места самосожжений старообрядцев на территории Заонежских погостов в 1670—1690-х гг.

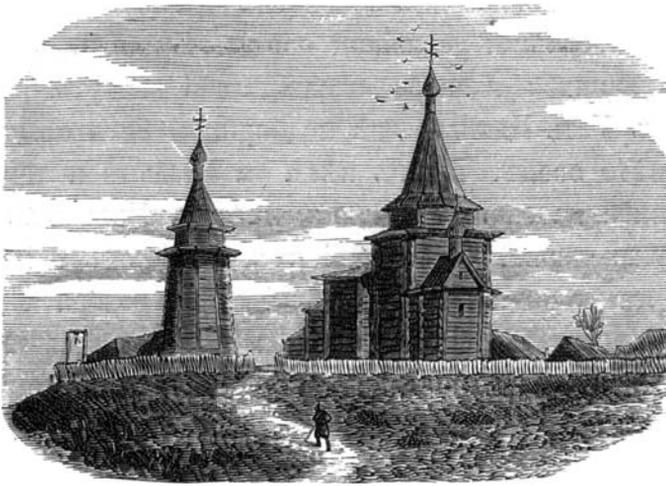
назрела необходимость исправить действовавшие богослужебные книги. Но первое же пристальное обращение к документам создает совершенно иное представление о происходившем в Карелии в те времена.

Церковная община в крестьянском мире и ее значение

По издавна сложившейся традиции приходской мир в Карелии был замкнут и самодостаточен, сами прихожане были главными в церковных делах. Именно они решали, кого в священники поставить, кто из овдовевших женщин будет выполнять обязанности просвирницы, как содержать обнищавших стариков, которые испокон века находили приют и «кормились у церкви божие», и когда пора новую церковь строить. Необходимость возведения нового храма возникала в силу самых разных обстоятельств и причин. Прежняя церковь могла сгореть или обветшать, либо прихожане в поисках новых пашен, далеко отселившись от прежнего погостского центра, не могли достаточно часто в церковь ходить. Собирались тогда мужики и, посудив, порядив, соглашались на расходы. Далее все происходило по освященному обычаем порядку. Прежде всего должны были обратиться крестьяне с челобитной к архиепископу новгородскому. Конечно же, посылали с ней своего выборного человека, собрав ему денег на неблизкую дорогу и неизбежные в таком деле расходы. Следовало объяснить церковному владыке, что их деревни от центра погоста «удалели» и что хотят они свою церковь построить и священника в ней поставить. От них же могло исходить пожелание о посвящении нового храма. Только после получения благословенной грамоты с одобрением их намерения и с разрешением «на то церковное строенье лес ронить и всякой церковной припас готовить» могли приступить крестьяне к подготовительным работам. Потом они приглашали мастера, по-видимому, хорошо им известного, которому казалось вполне надежным поручить возведение нового храма. Все это было делом поистине общим, так как делалось за мирской счет и в полном соответствии с народным чувством меры и красоты.

И вот храм готов. Тогда посылали в Великий Новгород новых челобитчиков, чтобы привезли они оттуда освященный антиминос* и еще одну благословенную грамоту с повелением попу с причетниками новую церковь освятить. Архиепископ новгородский, таким образом, принимал живейшее участие в событиях, важных для затерявшегося среди карельских озер и болот маленького нового погоста, в котором и населения-то вместе с самыми отдаленными деревнями могло быть не более сотни человек. В тех же случаях, когда церковь возводили на месте обветшавшей предшественницы, заботы церковного владыки могли быть еще более детальными. Он мог предусмотреть, например, что строительный материал, полученный при разборке старого храма, должно было использовать при возведении нового, а то, что останется, следовало «скласть в чисте месте и огородить, чтоб тут никто не ходил и нечистоты бы никакие не прикасалось, или складчи в одном месте огнем спалить»³. На протяжении XVII века не менее ста новых храмов было построено вокруг Онежского озера на общественные средства и по инициативе крестьян⁴.

Так что церковь была очень приближена к человеку. И свои мирские дела крестьяне нередко решали в ней, собираясь в трапезной — внутреннем притворе, имевшемся почти в каждом храме. Сами прихожане находили подходящего кандидата в пастыри духовные и не просто просили священника быть

у них, но заключали с ним договор, называвшийся «запись», со взаимными условиями и обязательствами. У них было старинное право «отставить», то есть отстранить попа или пономаря, если те нарушили условия договора. Все, что находилось в церкви, и сам храм были в собственности прихожан. «Церковное строенье мирское» — многократно документально зафиксировано писцовыми книгами.

Что именно в старых традициях должно было быть изменено?

С началом же церковной реформы все переменилось. Было введено «поставление» в священники только церковными властями. Повсюду происходило наступление на автономию мирской церкви. Все должно было происходить так, как предписано, везде одинаково. Из церкви изымались старинные церковные книги, некогда переписанные или купленные прихожанами, очень им дорогие, хотя часто старые и ветхие. Изменяли форму крестов. По требованию новгородского митрополита Корнилия священники должны были приобретать новые книги. «Евангелие» стоило, например, 2 рубля. Жестко следили за выполнением единогласного пения, что растягивало обряды и не нравилось ни священнику, ни его прихожанам, так как и он, и они оставались крестьянами. Проводился учет и перепись храмов и их имущества — икон, утвари, книг. Больше они не находились в крестьянской собственности, священник отвечал за их сохранность перед новгородской митрополией. Запретили совмещать священство с должностью земского дьячка. Это было крайне неудобно, так как раньше грамотные церковные причетники всегда составляли челобитные, а теперь следовало искать других людей, что было и дольше, и дороже. Запретили использовать трапезные для

* **Антиминс** — плат, расстилаемый на церковном престоле под чашей и-дарохранительницей».

проведения «суемов»* и «канунов»**, изымалась старинная деревянная посуда, использовавшаяся под праздничное пиво. Раньше даже излишки сваренного к какому-то событию алкогольного питья по традиции хранили в храме.

Было введено множество нововведений, регламентировавших вовлеченность человека в церковь. Так, запретили венчать вечером, а также по средам, пятницам и субботам. Жениху и невесте теперь было положено поститься перед обрядом венчания. Нельзя было допускать никаких возгласов во время обряда, что, по-видимому, было ранее принято в виде пожеланий или каких-то шуточных комментариев присутствовавших. Священникам предписывалось брать за венчание рубль, а за повторный брак — вдвое больше, за третий — втрое, даже если один из прежних супругов умер естественной смертью. Любопытно заметить, что по сохранившейся «вечной книге» Олонца за 1693 г. пошлина с новобрачных составляла немалую сумму — 4 алтына, со второго брака — 8 алтын 2 деньги, с третьего — 10 алтын, ну и еще за то, что «в книги записали», — 8 алтын. Здесь надо отметить, что среди крестьян венчание не всегда предшествовало вступлению в брак «de facto». Обряд совершали тогда, когда считали это удобным для себя. Теперь же это стало осуждаться церковью как прелюбодеяние. «Девка» или вдова, родившие «прижитое детище» должны были уйти в монастырь, а виновный в содеянном должен был заплатить в митрополичью казну 2 рубля 8 алтын 2 деньги⁵.

В начале 1680-х гг. стали требовать обязательного еженедельного посещения церкви с 12-летнего возраста и соблюдения постов с ежегодной исповедью. Это было совершенно не принято раньше. Крестьянин мог прожить до 60 лет и не более двух раз быть у исповеди в церкви. Такой порядок казался естественным и никого не удивлял, так как и расстояния до церкви от места проживания часто бывали немалые. Теперь всех, кто не приходил к исповеди, священник должен был отмечать в своих списках особо, и они объявлялись раскольниками. В церковных таинствах — крещении, венчании, евхаристии — можно было участвовать только в своем приходе, так сказать, по месту жительства. Во время церковных праздников, например, на святках, были категорически запрещены традиционные игрища и колядки⁶.

Мы видим, как все усиливается мелочный надзор и контроль за населением даже в сугубо личных вопросах веры, возрастает вмешательство в общественный и семейный уклад крестьянской жизни. Трудно не заметить крепостнической сути церковной реформы. Так что крестьяне, ей противившиеся, защищали не нечто абстрактное, вовсе не одну лишь привычку креститься двумя перстами, но обычаем и давностью освященное право жить по своему усмотрению, свою свободу выбора. В этом протесте нельзя видеть только косную приверженность старому. Здесь нечто неизмеримо большее***.

Нельзя, однако, не сказать и о другой стороне дела. Все-таки самоотречение, которое они продемонстрировали, приняв мученическую смерть от огня, предполагает какой-то особенно неблагоприятный социальный фон, вынужденность добровольного ухода, нежелание жить и страдать доле. Должен был быть и какой-то решающий фактор, подтолкнувший людей к этому акту.

Экономические предпосылки феномена старообрядчества

Карелия никогда не была плодородным краем. Крестьянин здесь вряд ли мог прокормить семью земледелием. Население промышляло охотой, рыбной ловлей, добычей и обработкой железной руды. Болота в этом смысле были неисчерпаемы. Многие занимались выплавкой из кустарным способом добываемой руды сыродутного железа и изготовлением из него всякого рода изделий — топоров, ножей, замков, оружия. Был распространен извозный промысел, особенно по перевозке соли из Поморья до Повенца. Расположенный на северо-восточном берегу Онежского озера Повенец был крупным по тем временам перевалочным торговым пунктом. Достаточно заметить, что в нем уже в конце XVI века стояли два таможенных двора. Здесь рано сложились товарно-денежные отношения — уже с XVI века часть оброчных платежей в казну государства с успехом взимали деньгами, а не только традиционным зерном.

Социальное расслоение обозначилось довольно рано. Между рынком и крестьянином всегда стоял скупщик, как правило, из местных, так называемых «изможных» крестьян. Договоры о поставке мехов, рыбы, железа заключались заранее. Деньги крестьяне получали вперед под залог земли или имущества. Документы, дошедшие до наших дней от той далекой эпохи, буквально переполнены иско-

выми челобитными. Скупщики взыскивают со своих несостоятельных поставщиков данные им под процент ссуды. Бывало даже так, что едва ли не весь погост оказывался должен одному человеку, потому что он заплатил за всех налог в государственную казну. Из года в год эти недоимки накапливались, приводя население в состояние безысходности.

В это же время правительство проводило в Карелии мероприятия оборонного характера. В середине столетия был построен город-крепость Олонец. Конечно же, его возведение всеми тяготами легло на плечи местных крестьян. Сразу же с этим была введена служба пашенных солдат. По остроумному решению властей местное население должно

* **«Сuem»** — на олонечком наречии — собрание.

** **«Канун»** — то-же, что «накануне», «молебен перед вечерней службой». В-местном понимании означало «праздник».

*** В советской историографии обнаруживаются две различных, как правило, весьма категорично сформулированных точки зрения по этому поводу. Некоторые историки подчеркивают социальную обусловленность мотивации, толкнувшую людей на самосожжение⁷. В других работах находим мнение, согласно которому традиционность мышления привела к тому, что люди оказались приверженцами старой веры — исключительно в силу несогласия с навязываемыми переменами они оказывались готовы принять мученическую смерть от огня⁸.

было содержать свои семьи и себя самих, обрабатывая деревенские угодья, и одновременно нести службу по охране приблизившейся после заключения Столбовского мира границы со Швецией. Однако это только так сначала задумывалось. В действительности обученных и вооруженных крестьян стали скоро привлекать для участия в военных действиях в войне с Польшей, а также посылать в дальние походы, то в Новгород, то во Псков. Много времени и сил отнимало у них и обязательное учение «иноземному строю». В погосты были присланы военные люди, как правило, иностранцы, находившиеся на службе у русского государя, чтобы обучить вчерашних крестьян маршировке и обращению с оружием. Для учения следовало ходить иногда за много верст, да и не один раз в неделю. Поскольку часто оказывалось так, что все мужчины в семье были записаны в солдаты, то крестьянское хозяйство постепенно приходило в упадок. Многие из дальних походов и с театра военных действий не вернулись вовсе (около полутора тысяч человек), другие возвращались больными и увечными и рано умирали.

Когда же правительство, осознав, что происходит запустение пахотных земель, и в ответ на многочисленные просьбы мужиков избавить их от службы, отменило пашенных солдат, на крестьян было возложено «тройное тягло», то есть сумма налогов, которая взималась здесь до введения солдатчины, была утроена.

Не несли местному населению облегчения и новые, продиктованные духом времени, начинания. В этом богатом природной рудой крае было решено развивать мануфактурное металлургическое производство. Уже в 1666 г. начали строить первый заводик. Но возникли Олонецкие заводы не на основе крестьянского железоделательного производства в процессе конкуренции, а вне ее. Правительство выдавало инициативным людям документы на преимущественное право добычи и разработки железной руды там, где они захотят или найдут нужным. Более того, местные крестьяне могли быть, как это случилось в Кижском погосте с заводами Бутенанта фон Розенбуша, приписаны к таким заводам в качестве крепостной рабочей силы. Назвать их наемными нельзя, так как они были обязаны трудиться на заводчика.

Все это, а также недовольство монастырскими властями, в вотчинном владении за которыми находились многие волости и даже почти целые погосты, как, например, Шунгский (был за Тихвинским монастырем), Толвуйский (за Вяжицким), вызывало массовый стихийный протест. В 1678 г. разразилось восстание толвуйских крестьян. Годом позднее поднялся на вооруженное сопротивление шунгские крестьяне. В Толвуде был даже специально выстроен острог, чтобы выдержать возможное нападение воинской силы. Но и те, и другие потерпели поражение. Самые активные участники восстаний были приговорены к ссылке в Сибирь. Многие получили жестокие телесные наказания.

В условиях всего этого неблагополучия, все ухудшавшихся условий жизни церковная реформа казалась населению едва ли не главной причиной их бед. То, что реформа еще больше регламентировала повседневную жизнь, вмешивалась в семейные дела, отменила привычные, с детства усвоенные обряды и порядки, подтолкнуло население к протесту именно против нее.

К тому же в конце 1670-х и в 1680-е гг. усилился режим преследований. Были обнародованы жестокие наказания за упорство в расколе. После троекратных увещаний их предписывалось сжечь в срубе (то есть в бревенчатой постройке)

и прах их развеять. Тех, кто готов был раскаяться, следовало ссылать в монастырь под надзор и там содержать на хлебе и воде под караулом. После раскаяния холостых мужчин предполагалось оставлять в монастыре навсегда, а семейных отпускать под чье-либо поручительство. За то, что кто-то знал о раскольниках, но не сообщил властям, следовало бить кнутом и ссылать в дальние города. Все это относилось и к священникам, если бы они стали укрывать непосещающих регулярно церковь и неприходящих к ним на исповедь.

Следующее усиление репрессий связано с подавлением Соловецкого восстания (1668—1676)⁹. Патриарх Иоаким потребовал смертной казни для вожаков раскола, и в апреле 1682 г. четверо самых видных расколоучителей (Аввакум, Федор, Лазарь и Епифаний) были сожжены в Пустозерске.

Добровольная коллективная смерть от огня

Правительство думало устроить население и заставить его повинаться, но результат оказался обратным. Еще в самом начале проведения реформы протопоп Аввакум призывал своих последователей к принятию добровольной смерти от огня. Он проповедовал, что те, кто сделает это, превратятся в святых мучеников. Теперь в народе вызревало экзальтированное стремление подражать учителям.

В это время в карельских лесах появилось много людей, проповедовавших раскол¹⁰. Известно несколько имен. Первым из наиболее широко известных проповедников в Заонежье был бывший коломенский епископ Павел, сосланный в 1655 г. в Палеостровский монастырь. В 1660-е гг. стал популярен Досифей, сделавший своим пристанищем небольшой скит вблизи Повенца. Не так уж далеко от здешних мест проповедовал один из основоположников раскола Иван Неронов, сосланный в Кандалакшский монастырь. Среди «расколоучителей» были и уцелевшие участники восстания на Соловках, и местные крестьяне, бежавшие из ссылки, и монахи местных монастырей. Многие из них оказались искусными проповедниками. Они хорошо понимали, что в душах крестьян найдет отклик идеализация старины, потому что жизнь очень заметно ухудшилась по многим выше обозначенным причинам, и приверженность к обрядовой стороне религии, наиболее понятной простым людям, и использовали зреющее недовольство, озлобление против правительства и местных властей. Вслед за Аввакумом они называли иерархов официальной церкви «волками, ворами и пьяницами», а царя и Никона «сосудами сатанинскими», говорили о приближении конца света. В лесах создавали тайные убежища, куда к ним приходили местные крестьяне, бросая свои обнищавшие хозяйства и дворы.

Первая датированная «гарь» случилась под Олонцом в 1676 г., потом — в 1687 г. — Березовская гарь в ста верстах от Паданского погоста и в пятидесяти от Шуезерского. В марте 1687 г. и в ноябре 1688 г. произошли самые массовые самосожжения в Палеострове, в сентябре 1689 г. — в Андомском погосте, в декабре 1693 г. — в Пудожском. По приблизительным подсчетам, всего в Карелии погибло в огне не менее семи тысяч человек — женщин, детей, стариков и даже молодых мужчин в расцвете лет.

Общим местом в советской историографии стало утверждение, что в основном среди них все-таки оказывались самые бедные крестьяне. «Гари» — крайнее выражение отчаяния огромного крестьянского большинства, — утверждают все, изучавшие события, связанные с расколом Русской церкви в карельских лесах.

Поскольку по распоряжению властей имущество сгоревших описывалось, кажется весьма правомерным подвергнуть анализу подобные документы. Согласно одному из них¹¹, обитатели пятнадцати дворов, добровольно принявшие смерть в лесу вблизи деревни Насоновской в Андомском погосте, на юго-восточном берегу Онежского озера, имели очень хорошо организованные и обустроенные дворы, в которых было все необходимое для жизни крестьянской семьи: избы с сенами, амбары, гумна для хранения зерна (рис. 11.2). В одном случае специально отмеченным оказался только что возведенный хлев. Почти все они владели достаточным количеством домашних животных, и только некоторые не имели лошадей. Как отмечено в описании, достаточно большими были и запасы зерна в каждом из хозяйств, чьи обитатели погибли: рожь, овес, ячмень, в том числе еще не обмолоченные. Можем ли мы утверждать, что эти люди были крайне бедны? Следует добавить также, что в двух километрах от деревни в лесу было обнаружено их небольшое, но очень хорошо оборудованное пристанище, где также хранились запасы ржи, ячменя и пшеницы, мука из разных злаков, а также множество важных вещей — всевозможные приспособления для рыбной ловли, пахоты, пороха, коренья и травы. Более чем ясно, что люди, оборудовавшие этот скит, готовились жить здесь в течение длительного времени без всяких контактов с внешним миром. Они собирались защищаться в случае необходимости и даже имели все, что считалось тогда подходящим для лечения простудных заболеваний.

К сожалению, нельзя сказать, что в этих страшных событиях проявились только фанатизм, экзальтированная вера и какие-то элементы массового психоза. Все это, конечно, имело место. Но не только это. Документы донесли до нас жуткую правду. Время и обстоятельства породили организаторов массовых самосожжений людей. Правительственные меры и стремление преследовать ушедших в леса, схватить их и подвергнуть наказанию провоцировали людей на добровольную смерть, но имели место и низкие человеческие чувства мести и озлобления¹².

Одно такое имя прослеживается по источникам достаточно уверенно. В числе выше упоминавшихся сосланных за участие в восстании в Сибири шунжан был Иван Евстафьев сын Второго. Богатый человек, крупный торговец и подрядчик, один из главных вожakov восставших, он отправился в ссылку вместе со всей семьей. По дороге они с сыном бежали, пытались хлопотать в Москве об освобождении, но безрезультатно, снова были арестованы. Из более поздних документов известно, что дважды приводил крестьян на «гари» сын этого

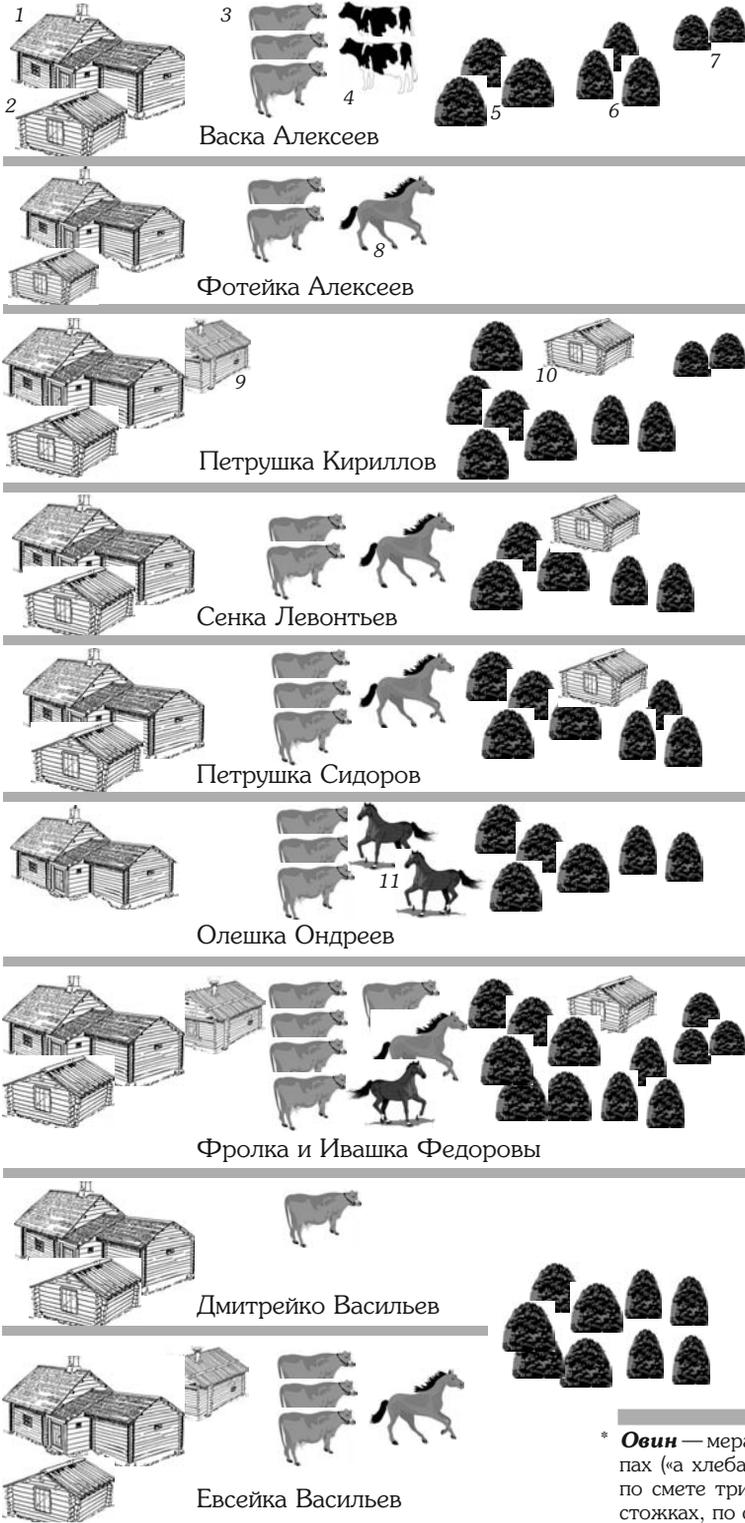

Рис.-11.2.

Имущество крестьян деревни Насоновской, добровольно принявших смерть в-сентяб-ре 1689 г.

- 1 — двор (изба с сеньями и «со всей дворовой связью»),
- 2 — клеть дворовая,
- 3 — коровы,
- 4 — нетели,
- 5 — овини* ржи,
- 6 — овини овса,
- 7 — овини жита (ячменя),
- 8 — мерин,
- 9 — гумно,
- 10 — клеть полевая,
- 11 — кобылы

* **Овин** — мера немолоченного хлеба в снопах («а хлеба у него Васки стог ржаной, по смете три овина, овса и жита в двух стожах, по смете пять овин»).»

человека — Емельян Иванов. По-видимому, ему удалось бежать из ссылки. Но вернувшись домой, он ничего своего не нашел: двор этой семьи по распоряжению монастырских властей был конфискован.

Понятно, почему он примкнул к расколу. К тому же в те годы, когда он был в ссылке где-то вблизи Верхотурья, там пользовался необычайной популярностью известный проповедник раскола Иосиф Истомин. Может быть, они даже встречались. Там тоже происходили массовые самосожжения людей, но сам Иосиф всегда спасался. Так же происходило и здесь, уже с Емельяном Ивановым. Когда вовлеченные им люди задыхались в огне и пламени, он каким-то образом успевал ускользнуть и продолжал свою агитацию вновь.

Емельян привел своих последователей в Палеостровский монастырь во второй раз вооруженными. Они захватили монастырь, не успевших скрыться игумена и двенадцать монахов посадили в погреб. Раскольники выстроили острог, укрепив монастырь на случай осады. У них были ружья, бердыши, сабли, пищали, копья. Все говорит за то, что они собирались сражаться с военным отрядом, если он придет, чтобы схватить их, а не сжигать себя. Захватчики разорвали все новоисправленные богослужебные книги и девять недель жили в монастыре, во время церковной службы пользовались старыми евангелиями и псалтырями, собранными по церквам Челмужи, Повенца и других мест.

Власти пытались убедить раскольников отречься и раскаяться. Послали олонецкого протопопа Льва Иванова, но его миссия закончилась тем, что слушать его не стали и даже ранили. Пытались их взять измором — «голодом выморить», но они запаслись продуктами и стойко выдерживали осаду, даже делали вылазки, в одной из которых убили стрелецкого начальника Портновского, посланного с отрядом из Олонца с 70 стрельцами. Для укрепления подступов к острогу на мелководье у острова были вморожены косы-горбуши. Осаждавшим никак не удавалось взять монастырь приступом. Уже из Новгорода послали подмогу. Хотя стрельцы несли потери, проваливаясь под лед и натываясь на острые косы, надежды отсидеться не оставалось. Чтобы не было пути назад, по приказу Емельяна в конце ноября были сожжены монастырский скотный двор, запасы хлеба, сено, хозяйственные постройки монастыря, кельи, документы из монастырского архива. Потом подожгли церковь, в которой находились сами, при этом погибли и сидевшие в подполье плененные монахи. Относительно самого организатора Емельяна Иванова источники не единодушны. По некоторым известиям, смертники не дали ему ускользнуть, и он погиб, но есть свидетельства и о том, что Емельян скрылся и в дальнейшем продолжал свои проповеди.

Общежительство на реке Выг и его основатели

Следует помнить, что вся жизнь человека, жившего во времена Средневековья и раннего Нового времени, была пронизана общением с Богом. Без церковного благословения невозможно было ни родиться, ни умереть, ни обзавестись семьей, ни окрестить детей, ни похоронить родителей, ни обрести согласие с собственной совестью. Да и все хозяйствование на земле было теснейшим образом увязано с церковным календарем. Жизнь вне веры была немислима. В то же время, как явствует из одной из челобитных пудожских крестьян, они бывали иногда просто вынуждены отойти от официальной церкви. Так, они

жаловались, что во время морового поветрия, когда умерло множество народа, священники не приходили к ним «болящим для исповеди и причащения». Крестьяне ставят это священникам в вину, равно как и то, что в такие трудные времена те брали за обряд перед погребением до 5 рублей денег, а иногда требовали и больше. Этим они пытаются объяснить, почему священников «отставили» и крестят детей по домам и хоронят своих близких на опушках и озерных наволоках, а не идут в церковь¹³.

В начале 1690-х гг. было положено начало широко известному Выговскому общежителю. Сначала здесь было несколько небольших поселений недалеко друг от друга. Но осенью 1694 г. с благословения бывшего инок Соловецкого монастыря Корнилия на место, освоенное выходцем из Толви и Захарием Дровниным, перешли жить Андрей Денисов и дьячок из Шуньги Данила Викулин. Последний стал наставником новой обители. Именно по его имени она получила второе название — Даниловская пустынь. Вскоре эта пустынь, выглядевшая поначалу как простое крестьянское поселение, превратилась в монастырь, ставший центром поморского старообрядчества. Достаточно заметить, что уже четыре года спустя здесь оказалось не менее двух тысяч обитателей. В течение первой половины XVIII столетия общежителю, именовавшееся в официальных государственных документах беспоповщиной, выросло в крупнейший центр не только религиозной, но также культурной и даже экономической жизни.

Наиболее значительными лицами на Выге в течение первого, самого трудного периода существования обители были Андрей Денисов и появившийся здесь немного позднее его брат Семен Денисов. Под их управлением и контролем общежителю выросло в настоящий центр сохранения древней русской духовной культуры, неразрывно связанной с дониконовскими временами. Они начали собирать труды староверов и устные легенды о многочисленных мучениках, пострадавших «за веру». Во многом благодаря усилиям братьев Денисовых была сохранена старинная традиция переписывания книг и основана библиотека, которой уготована в будущем блестящая известность. В соответствии с их планами в дремучих лесах были расчищены полосы земли для пахоты и огородов, был разведен скот, а обычное рыболовство по потребности развилось в хорошо организованную торговлю рыбой. Так же трансформированной в рыночном смысле скоро оказалась и охота¹⁴. Андрей и Семен Денисовы более чем умело управляли Выговским общежителем и сделали для него много. Но кто были они сами?

Как будто бы здесь и вопроса-то быть не должно. Широко известно фамильное дерево Денисовых, согласно которому наиболее древние корни рода прямо восходят к князю Мышецкому — одной из наиболее известных русских ари-

Андрей Денисов.
Миниатюра из
Жития Андрея
Денисова. Выг, 1810-

Семен Денисов.
Миниатюра из Меся-
цеслова с Пасхалией.
Выг, 1774 г.

тократических фамилий¹⁵. Было бы легко согласиться с этой официальной версией, если бы не одно хорошо известное опубликованное, свидетельство игумена Палеостровского монастыря Кирилла, современника событий. Как раз в те дни, когда новое поселение на Выге было в стадии основания, он сообщал об этом властям в Олонец в специальной так называемой «изветной» челобитной¹⁶.

Адресовав ее в январе 1700 г. олонецкому воеводе Василию Зотову, палеостровский игумен назвал несколько имен и среди них имена Дениски Второго с сыном Андрюшкой и племянником Петрушкой. Они и будут в центре нашего внимания. Здесь мы встречаемся впервые со знаменитым в будущем Андреем Денисовым. Можно не сомневаться, что мальчик Андрюшка и глава Выговского общежития Андрей Денисов — одно и то же лицо. Но никто никогда не обращал внимания на то обстоятельство, что согласно фамильному имени его деда — Второго — он является родственником упомянутого выше шунгского крестьянина Емельяна Иванова, главного организатора коллективных самосожжений на Палеострове. Полное имя отца Емельяна Иванова и деда Андрея и Семена Денисовых — Иван Евстафьев сын Второго.

Наши источники (дозорные, писцовые и переписные книги 1620-х и 1640-х гг.)¹⁷ позволяют проследить фамильные корни знаменитых братьев Денисовых немного глубже во времени (рис. 11.3).

Как ясно из весьма лапидарных замечаний писцов, семья эта жила в Повенце уже с начала XVII века, и в течение нескольких десятилетий ее представители служили в местной церкви в роли причетников. Владелец самого раннего из уверенно прослеживаемых имен — Иван Борисов упомянут как священник церкви Петра и Павла в 1620 г., его сын — Перха Иванов — помогал ему во время богослужений в качестве пономаря. В 1630—1640-х гг. последний сам значится приходским священником в той же церкви. Его полное имя по видимому было Перфилий. Позволим себе предположить, что в просторечии обыденный и единственно употребимый в те времена вариант этого имени — Перха — вполне мог интерпретироваться в значении «первый». В таком случае его младший брат Евстафий, помогавший ему во время богослужений в течение многих лет как дьячок, вполне мог получить прозвище «Второй». В те времена в крестьянских семьях было обычной практикой называть детей таким образом, как бы отмечая очередность их появления на свет.

Всеми признанной и многократно отмеченной в историографии является версия происхождения братьев Денисовых из рода князей Мышецких¹⁸. Она кочует из издания в издание, и как-то совсем забылось, что сами братья Денисовы именовали себя только «Вторышинами».

В нынешнем Данилове, как говорят, ничто не напоминает о том, что это место было предметом гордости всего старообрядческого мира. Только неожиданно большое открытое пространство на высоком берегу Выга и уходящие далеко поля за рекой говорят нам о труде человеческом, некогда вложенном в эти места. А ведь уже в начале века XVIII, всего через два-три десятилетия после основания, архитектурный облик этой воплощенной крестьянской мечты о справедливом бытоустройстве не мог не восхищать современников. Здесь стояли типичные для северного зодчества часовня, соединенная с трапезной, а также столовая, в которую можно было попасть из трапезной по специальным крытым переходам. Вокруг находились жилые кельи, больница, множество

хозяйственных построек. Через реку Выг был возведен мост с перилами. За два года до окончания столетия на Выге проживало не менее двух тысяч человек, спустя 30 лет, в 1727 г. — около трех тысяч, а еще позднее — более десяти тысяч человек¹⁹. Только больших братских келий насчитывалось не

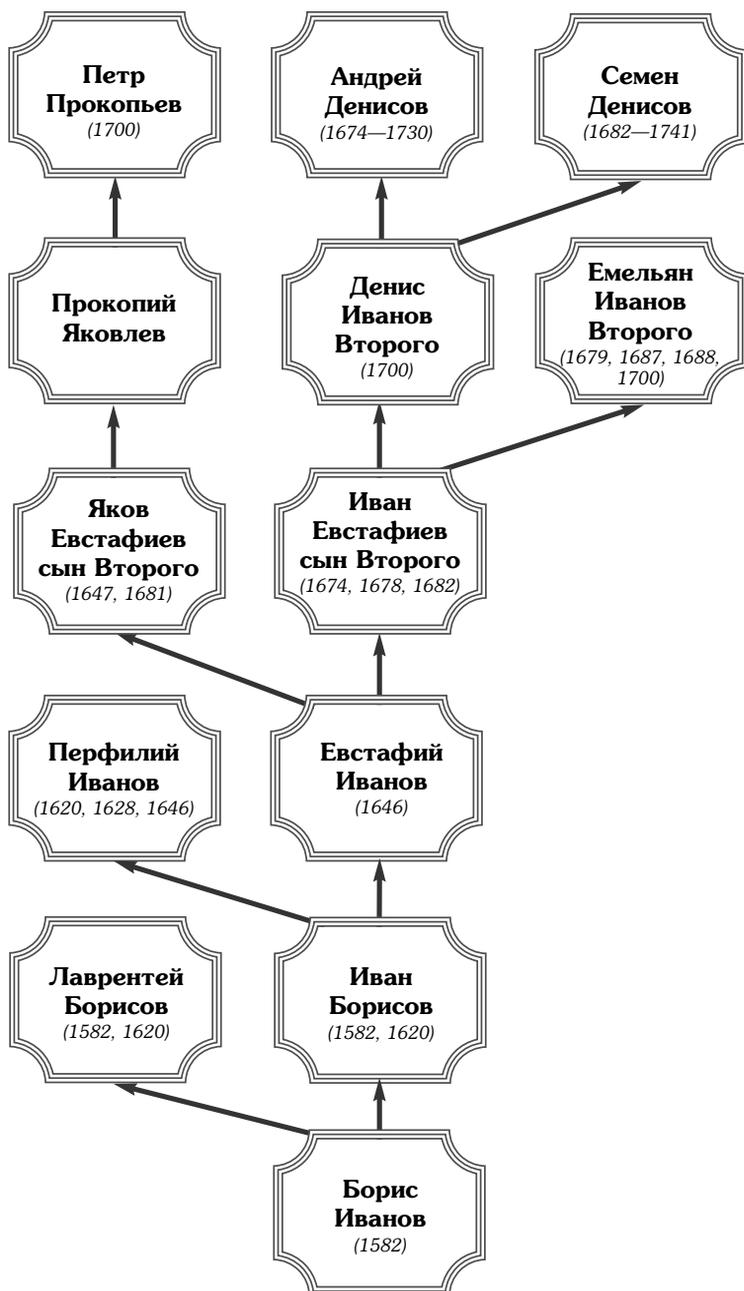

Рис. 11.3.
Фамильные корни
братьев Денисовых
(источники:
Приложение, № 14,
15, 22, 27; СПб. ФИРИ
РАН, ф. 98; Карелия
в XVII веке. № 234)

один десяток. Заслуживает внимания их описание современником Мартемьяном Никифоровым Ивантеевым: «...белые кельи на жилых подклетах подобны светлицам». В них поражали изразцовые печи, стенные часы. Все здесь говорило о степенной, строгой культуре обитателей. Вокруг была возведена высокая деревянная стена. За оградой стояла гостиница для приезжающих.

И хотя власти сразу же стали получать известия о скоплении раскольников в выговских лесах, эта пустынь сумела избежать печальной участи тех попыток основать какую-то иную жизнь, о которых рассказано выше. Сюда так и не была послана воинская команда с неизбежным приказом привести всех к повиновению официальной церкви, а упорствующих предать казни. Правительство было отвлечено в конце XVII столетия другими делами. Хотя первые поселенцы тоже готовились пострадать за веру, но им была уготована иная судьба. Они прославили свои имена не мученичеством, а созидательным трудом в сфере хозяйственной, духовной и культурной жизни.

- 1 Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1868. С. 24, 25; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в России. СПб., 1890. Т. II. С. 259, 260; Будовниц И. Ю. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966.
- 2 Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 447, 448; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 244.
- 3 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической Комиссией. СПб., 1875. Т. II. Стб. 940, 941.
- 4 Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 55—73.
- 5 ДАИ. Т. XII. № 35.
- 6 Акты Исторические. М., 1842. Т. V. № 177; Чтения Московского Общества истории и древностей Российских. М., 1870. Кн. IV. С. 109, 162, 163.
- 7 Мюллер Р. Б. Из истории раскола на севере России: самосожжения в Палеострове // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1958. Т. II. С. 172—182.
- 8 Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
- 9 Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XV—XVII веках. Петрозаводск, 1966.
- 10 Карелия в XVII веке. С. 308, 309.
- 11 Там же. С. 370—373.
- 12 Мюллер Р. Б. Из истории раскола на севере России... С. 180.
- 13 Карелия в XVII веке. С. 334.
- 14 Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
- 15 Неизвестная Россия: Каталог выставки к 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. М., 1994. С. 66.
- 16 ОГВ. 1849. № 8.
- 17 РГАДА, ф. 1209, кн. 308, 979; ОР ГПБ, собр. Титова, кн. 336.
- 18 Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 1994. Т. 3. Стб. 1490, 1491; Никольский Н. М. История Русской церкви. М., 1983. С. 156; Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 470, 471.
- 19 Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 269.